

ПЕСНИ

ТАТУИРОВКА

Не делили мы тебя и не ласкали,
А что любили — так это позади, —
Я ношу в душе твой светлый образ, Валя,
А Леша выколол твой образ на груди.

И в тот день, когда прощались на вокзале,
Я тебя до гроба помнить обещал, —
Я сказал: «Я не забуду в жизни Вали!»
«А я — тем более!» — мне Леша отвечал.

И теперь реши, кому из нас с ним хуже,
И кому трудней — попробуй разбери:
У него — твой профиль выколот снаружи,
А у меня — душа исколота снутри.

И когда мне так уж тошно, хоть на плаху, —
Пусть слова мои тебя не оскорбят, —
Я прошу, чтоб Леша расстегнул рубаху,
И гляжу, гляжу часами на тебя.

Но недавно мой товарищ, друг хороший,
Он беду мою искусством поборол:
Он скопировал тебя с груди у Лешы
И на грудь мою твой профиль наколол.

Знаю я, своих друзей чернить неловко,
Но ты мне ближе и роднее оттого,
Что моя — верней, твоя — татуировка
Много лучше и красивше, чем его!

Я БЫЛ ДУШОЙ ДУРНОГО ОБЩЕСТВА

Я был душой дурного общества,
И я могу сказать тебе:
Мою фамилию-имя-отчество
Прекрасно знали в КГБ.

В меня влюблялася вся улица
И весь Савеловский вокзал.
Я знал, что мной интересуются,
Но все равно пренебрегал.

Свой человек я был у *скóкарей*,
Свой человек — у *щипачей*, —
И гражданин начальник Токарев
Из-за меня не спал ночей.

Ни разу в жизни я не мучился
И не скучал без крупных дел, —
Но кто-то там однажды скурвился, *ссучился* —
Шепнул, навел — и я сгорел.

Начальник вел себя не въедливо,
Но на допросы вызывал, —
А я всегда ему приветливо
И очень скромно отвечал:

«Не брал я на душу покойников
И не испытывал судьбу, —
И я, начальник, спал покойненько
И весь ваш МУР видал в гробу!»

И дело не было отложено,
И огласили приговор, —
И дали всё, что мне положено,
Плюс пять мне сделал прокурор.

Мой адвокат хотел по совести
За мой такой веселый нрав, —
А прокурор просил всей строгости —
И был, по-моему, не прав.

С тех пор заглохло мое творчество,
Я стал скучающий субъект, —
Зачем мне быть душою общества,
Когда души в нем вовсе нет!

1961

ЛЕНИНГРАДСКАЯ БЛОКАДА

Я вырос в ленинградскую блокаду,
Но я тогда не пил и не гулял.
Я видел, как горят огнем Бадаевские склады,
В очередях за хлебешком стоял.

Граждане смелые,
а что ж тогда вы делали,
Когда наш город счет не вел смертям?
Ели хлеб с икоркою, —
а я считал махоркою
Окурок с-под платформы черт-те с чем напололам.

От стужи даже птицы не летали,
И вору было нечего украсть.
Родителей моих в ту зиму ангелы прибрали,
А я боялся — только б не упасть!

Было здесь дó фи́га
голодных и дистрофиков —
Все голодали, даже прокурор, —
А вы в эвакуации
читали информации
И слушали по радио «От Совинформбюро».

Блокада затянулась, даже слишком,
Но наш народ врагов своих разбил, —
И можно жить как у Христа за пазухой, под мышкой,
Но только вот мешает бригадмил.

Я скажу вам ласково,
граждане с повязками,

В душу ко мне лапою не лезь!
Про жизнь вашу личную
и непатриотичную
Знают уже органы и ВЦСПС!

1961

СЕРЕБРЯНЫЕ СТРУНЫ

У меня гитара есть — расступитесь, стены!
Век свободы не видать из-за злой фортуны!
Перережьте горло мне, перережьте вены —
Только не порвите серебряные струны!

Я зароюсь в землю, сгину в одночасье —
Кто бы заступился за мой возраст юный!
Влезли ко мне в душу, рвут ее на части —
Только б не порвали серебряные струны!

Но гитару унесли, с нею — и свободу, —
Упирался я, кричал: «Сволочи, паскуды!
Вы втопчите меня в грязь, бросьте меня в воду —
Только не порвите серебряные струны!»

Что же это, братцы! Не видать мне, что ли,
Ни денечков светлых, ни ночей безлунных?!
Загубили душу мне, отобрали волю, —
А теперь порвали серебряные струны...

1962

ЛЕЖИТ КАМЕНЬ В СТЕПИ

Артуру Макарову

Лежит камень в степи,
А под него вода течет,
А на камне написано слово:
«Кто направо пойдет —
Ничего не найдет,

А кто прямо пойдет —
Никуда не придет,
Кто налево пойдет —
Ничего не поймет
И ни за грош пропадет».

Перед камнем стоят
Без коней и без мечей
И решают: идти или не надо.
 Был один из них зол —
 Он направо пошел,
 В одиночку пошел, —
 Ничего не нашел —
 Ни деревни, ни сел, —
 И обратно пришел.

Прямо нету пути —
Никуда не прийти,
Но один не поверил в заклятья
 И, подобравши подол,
 Напрямую пошел, —
 Сколько он ни бродил —
 Никуда не добрел, —
 Он вернулся и пил,
 Он обратно пришел.

Ну а третий — был дурак,
Ничего не знал и так,
И пошел без опаски налево.
 Долго ль, коротко ль шагал
 И совсем не страдал,
 Пил, гулял и отдыхал,
 Ничего не понимал, —
 Ничего не понимал,
 Так всю жизнь и прошагал —
 И не сгинул, и не пропал.

БОЛЬШОЙ КАРЕТНЫЙ

Левону Кочаряну

Где твои семнадцать лет?
На Большом Каретном.
Где твои семнадцать бед?
На Большом Каретном.
Где твой черный пистолет?
На Большом Каретном.
А где тебя сегодня нет?
На Большом Каретном.

Помнишь ли, товарищ, этот дом?
Нет, не забываешь ты о нем.
Я скажу, что тот полжизни потерял,
Кто в Большом Каретном не бывал.
Еще бы, ведь

Где твои семнадцать лет?
На Большом Каретном.
Где твои семнадцать бед?
На Большом Каретном.
Где твой черный пистолет?
На Большом Каретном.
А где тебя сегодня нет?
На Большом Каретном.

Переименован он теперь,
Стало все по новой там, верь не верь.
И все же, где б ты ни был, где ты ни бредешь,
Нет-нет да по Каретному пройдешь.
Еще бы, ведь

Где твои семнадцать лет?
На Большом Каретном.
Где твои семнадцать бед?
На Большом Каретном.

Где твой черный пистолет?
На Большом Каретном.
А где тебя сегодня нет?
На Большом Каретном.

1962

* * *

За меня невеста отрыдает честно,
За меня ребята отдадут долги,
За меня другие отпоют все песни,
И, быть может, выпьют за меня враги.

Не дают мне больше интересных книжек,
И моя гитара — без струны.
И нельзя мне выше, и нельзя мне ниже,
И нельзя мне солнца, и нельзя луны.

Мне нельзя на волю — не имею права, —
Можно лишь — от двери до стены.
Мне нельзя налево, мне нельзя направо —
Можно только неба кусок, можно только сны.

Сны — про то, как выйду, как замок мой снимут,
Как мою гитару отдадут,
Кто меня там встретит, как меня обнимут
И какие песни мне споют.

1963

ШТРАФНЫЕ БАТАЛЬОНЫ

Всего лишь час дают на артобстрел —
Всего лишь час пехоте передышки,
Всего лишь час до самых главных дел:
Кому — до ордена, ну а кому — до «вышки».

За этот час не пишем ни строки —
Молись богам войны артиллеристам!
Ведь мы ж не просто так — мы штрафники, —
Нам не писать: «...считайте коммунистом».

Перед атакой — водку, — вот мура!
Свое отпили мы еще в гражданку,
Поэтому мы не кричим «ура» —
Со смертью мы играемся в молчанку.

У штрафников один закон, один конец:
Коли, руби фашистского бродягу,
И если не поймаешь в грудь свинец —
Медаль на грудь поймаешь за отвагу.

Ты бей штыком, а лучше — бей рукой:
Оно надежней, да оно и тише, —
И ежели останешься живой —
Гуляй, рванина, от рубля и выше!

Считает враг: морально мы слабы, —
За ним и лес, и города сожжены.
Вы лучше лес рубите на гробы —
В прорыв идут штрафные батальоны!

Вот шесть ноль-ноль — и вот сейчас обстрел, —
Ну, бог войны, давай без передышки!
Всего лишь час до самых главных дел:
Кому — до ордена, а большинству — до «вышки»...

1964

АНТИСЕМИТЫ

Зачем мне считаться шпаной и бандитом —
Не лучше ль податься мне в антисемиты:
На их стороне хоть и нету законов, —
Поддержка и энтузиазм миллионов.

Решил я — и значит, кому-то быть битым.
Но надо ж узнать, кто такие семиты, —
А вдруг это очень приличные люди,
А вдруг из-за них мне чего-нибудь будет!

Но друг и учитель — алкаш в бакалее —
Сказал, что семиты — простые евреи.
Да это ж такое везение, братцы, —
Теперь я спокоен — чего мне бояться!

Я долго крепился, ведь благоговейно
Всегда относился к Альберту Эйнштейну.
Народ мне простит, но спрошу я невольно:
Куда отнести мне Абрама Линкóльна?

Средь них — пострадавший от Сталина Каплер,
Средь них — уважаемый мной Чарли Чаплин,
Мой друг Рабинович и жертвы фашизма,
И даже основоположник марксизма.

Но тот же алкаш мне сказал после дельца,
Что пьют они кровь христианских младенцев;
И как-то в пивной мне ребята сказали,
Что очень давно они Бога распяли!

Им кровушки надо — они по запарке
Замучили, гады, слона в зоопарке!
Украли, я знаю, они у народа
Весь хлеб урожая минувшего года!

По Курской, Казанской железной дороге
Построили дачи — живут там как боги...
На всё я готов — на разбой и насилие, —
И бью я жидов — и спасаю Россию!

1964

ПЕСНЯ ПРО УГОЛОВНЫЙ КОДЕКС

Нам ни к чему сюжеты и интриги:
Про всё мы знаем, про всё, чего ни дашь.
Я, например, на свете лучшей книгой
Считаю Кодекс уголовный наш.

И если мне нейдет и не спится
Или с похмелья нет на мне лица —
Открою Кодекс на любой странице,
И не могу — читаю до конца.

Я не давал товарищам советы,
Но знаю я — разбой у них в чести, —
Вот только что я прочитал про это:
Не ниже трех, не выше десяти.

Вы вдумайтесь в простые эти строки, —
Что нам романы всех времен и стран! —
В них есть бараки, длинные как сроки,
Скандалы, драки, карты и обман...

Сто лет бы мне не видеть этих строчек! —
За каждой вижу чью-нибудь судьбу, —
И радуюсь, когда статья — не очень:
Ведь все же повезет кому-нибудь!

И сердце бьется раненою птицей,
Когда начну свою статью читать,
И кровь в висках так ломится-стучится, —
Как *мусора*, когда приходят брать.

1964

ПЕСНЯ О ГОСПИТАЛЕ

Жил я с матерью и батей
На Арбате — здесь бы так! —
А теперь я в медсанбате —
На кровати, весь в бинтах...

Что нам слава, что нам Клава —
Медсестра — и белый свет!..
Помер мой сосед, что справа,
Тот, что слева, — еще нет.

И однажды, как в угаре,
Тот сосед, что слева, мне
Вдруг сказал: «Послушай, пареньь,
У тебя ноги-то нет».

Как же так? Неправда, братцы, —
Он, наверно, пошутил!
«Мы отрежем только пальцы» —
Так мне доктор говорил.

Но сосед, который слева,
Все смеялся, все шутил,
Даже если ночью бредил —
Все про ногу говорил.

Издевался: мол, не встанешь,
Не увидишь, мол, жены!..
Поглядел бы ты, товарищ,
На себя со стороны!

Если б был я не калека
И слезал с кровати вниз —
Я б тому, который слева,
Просто глотку перегрыз!

Умолял сестричку Клаву
Показать, какой я стал...
Был бы жив сосед, что справа, —
Он бы правду мне сказал!..

1964

ВСЕ УШЛИ НА ФРОНТ

Все срока уже закончены,
А у лагерных ворот,
Что крест-накрест заколочены, —
Надпись: «Все ушли на фронт».

За грехи за наши нас простят,
Ведь у нас такой народ:
Если Родина в опасности —
Значит, всем идти на фронт.

Там год — за три, если бог хранит, —
Как и в лагере зачет.
Нынче мы на равных с вохрами —
Нынче всем идти на фронт.

У начальника Березкина —
Ох и гонор, ох и понт! —
И душа — крест-накрест досками, —
Но и он пошел на фронт.

Лучше было — сразу в тыл его:
Только с нами был он смел, —
Высшей мерой наградил его
Трибунал за самострел.

Ну а мы — всё оправдали мы, —
Наградили нас потом:
Кто живые, тех — медалями,
А кто мертвые — крестом.

И другие заключенные
Пусть читают у ворот
Нашу память застекленную —
Надпись: «Все ушли на фронт»...

1964

* * *

Я любил и женщин и проказы:
Что ни день, то новая была, —
И ходили устные рассказы
Про мои любовные дела.

И однажды как-то на дороге
Рядом с морем — с этим не шути —

Встретил я одну из очень многих
На моем на жизненном пути.

А у ней — широкая натура,
А у ней — открытая душа,
А у ней — отличная фигура, —
А у меня в кармане — ни гроша.

Ну а ей — в подарок нужно кольца;
Кабаки, духи из первых рук, —
А взамен — немного удовольствий
От ее сомнительных услуг.

«Я тебе, — она сказала, — Вася,
Дорогое самое отдам!..»
Я сказал: «За сто рублей согласен, —
Если больше — с другом пополам!»

Женщины — как очень злые кони:
Захрипит, закусит удила!..
Может, я чего-нибудь не понял,
Но она обиделась — ушла.

... Через месяц улеглись волненья —
Через месяц вновь пришла она, —
У меня такое ощущение,
Что ее устроила цена!

1964

ПЕСНЯ ПРО СТУКАЧА

В наш тесный круг не каждый попадал,
И я однажды — проклятая дата —
Его привел с собою и сказал:
«Со мною он — нальем ему, ребята!»

Он пил как все и был как будто рад,
А мы — его мы встретили как брата...
А он назавтра продал всех подряд, —
Ошибся я — простите мне, ребята!

Суда не помню — было мне невмочь,
Потом — барак, холодный как могила, —
Казалось мне — кругом сплошная ночь,
Тем более что так оно и было.

Я сохраню хотя б остаток сил, —
Он думает — отсюда нет возврата,
Он слишком рано нас похоронил, —
Ошибся он — поверьте мне, ребята!

И день наступит — ночь не на года, —
Я попрошу, когда придет расплата:
«Ведь это я привел его тогда —
И вы его отдайте мне, ребята!..»

1964

ПЕСНЯ О ЗВЕЗДАХ

Мне этот бой не забыть нипочем —
Смертью пропитан воздух, —
А с небосклона бесшумным дождем
Падали звезды.

Снова упала — и я загадал:
Выйти живым из боя, —
Так свою жизнь я поспешно связал
С глупой звездой.

Я уж решил: миновала беда
И удалось отвертеться, —
С неба свалилась шальная звезда —
Прямо под сердце.

Нам говорили: «Нужна высота!»
И «Не жалеть патроны!»...
Вон покати́лась вторая звезда —
Вам на погоны.

Звезд этих в небе — как рыбы в прудах, —
Хватит на всех с лихвою.

Если б не насмерть, ходил бы тогда
Тоже — Героем.

Я бы Звезду эту сыну отдал,
Просто — на память...
В небе висит, пропадает звезда —
Некуда падать.

1964

БАЛ-МАСКАРАД

Сегодня в нашей комплексной бригаде
Прошел слухок о бале-маскараде, —
Раздали маски кроликов,
Слонов и алкоголиков,
Назначили всё это — в зоосаде.

«Зачем идти при полном при параде —
Скажи мне, моя радость, Христа ради?»
Она мне: «Одевайся!» —
Мол, я тебя стесняюсь,
Не то, мол, как всегда, пойдешь ты сзади.

«Я платье, — говорит, — взяла у Нади —
Я буду нынче как Марина Влади
И проведу, хоть тресну я,
Часы свои воскресные
Хоть с пьяной твоей мордой, но в наряде!»

...Зачем же я себя утюжил, гладил? —
Меня поймали тут же, в зоосаде, —
Ведь массовик наш Колька
Дал мне маску алкоголика —
И на троих зазвали меня дяди.

Я снова очутился в зоосаде:
Глядь — две жены, — ну две Марины Влади! —
Одетые животными,
С двумя же бегемотами, —
Я тоже озверел — и стал в засаде.

Наутро дали премию в бригаде,
Сказав мне, что на бале-маскараде
Я будто бы не только
Сыграл им алкоголика,
А был у бегемотов я в ограде.

1964

БРАТСКИЕ МОГИЛЫ

На братских могилах не ставят крестов,
И вдовы на них не рыдают, —
К ним кто-то приносит букеты цветов,
И Вечный огонь зажигают.

Здесь раньше вставала земля на дыбы,
А нынче — гранитные плиты.
Здесь нет ни одной персональной судьбы —
Все судьбы в единую слиты.

А в Вечном огне — видишь вспыхнувший танк,
Горящие русские хаты,
Горящий Смоленск и горящий рейхстаг,
Горящее сердце солдата.

У братских могил нет заплаканных вдов —
Сюда ходят люди покрепче,
На братских могилах не ставят крестов...
Но разве от этого легче?!

1964

* * *

В этом доме большом раньше пьянка была
Много дней, много дней,
Ведь в Каретном ряду первый дом от угла —
Для друзей, для друзей.

За пьянками, гулянками,
За банками, полбанками,
За спорами, за ссорами, раздорами

Ты стой на том,
Что этот дом —
Пусть ночью, днем —
Всегда твой дом,
И здесь не смотрят на тебя с укорами.

И пускай иногда недовольна жена —
Но бог с ней, но бог с ней! —
Есть у нас что-то больше, чем рюмка вина, —
У друзей, у друзей.

За пьянками, гулянками,
За банками, полбанками,
За спорами, за ссорами, раздорами
Ты стой на том,
Что этот дом —
Пусть ночью, днем —
Всегда твой дом,
И здесь не смотрят на тебя с укорами.

1964

* * *

Передо мной любой факир — ну просто карлик,
Я их держу за самых мелких фрайеров, —
Возьмите мне один билет до Монте-Карло —
Я потревожу ихних шулеров!

Не соблазнят меня ни ихние красотки,
А на рулетку — только б мне взглянуть, —
Их банкометы мне вылижут подметки,
А я на поезд — и в обратный путь.

Играть я буду и на красных и на черных,
И в Монте-Карло я облажу все углы, —
Останутся у них в домах игорных
Одни хваленые зеленые столы.

Я привезу с собою массу впечатлений:
Попью коктейли, послушаю джаз-банд, —

Я привезу с собою кучу ихних денег —
И всю валюту сдам в советский банк.

Я говорю про все про это без ухárства —
Шутить мне некогда: мне «вышка» на носу, —
Но пользу нашему родному государству
Наверняка я этим принесу!

1964

ПЕСНЯ СТУДЕНТОВ-АРХЕОЛОГОВ

Наш Федя с детства связан был с землею —
Домой таскал и щебень и гранит...
Однажды он домой принес такое,
Что папа с мамой плакали навзрыд.

Студентом Федя очень был настроен
Поднять археологию на щит, —
Он в институт притаскивал такое,
Что мы кругом все плакали навзрыд.

Привез он как-то с практики
Два ржавых экспонатика
И утверждал, что это — древний клад, —
Потом однажды в Элисте
Нашел вставные челюсти
Размером с самогонный аппарат.

Диплом писал про древние святыни,
О скифах, о языческих богах.
При этом так ругался по-латыни,
Что скифы эти корчились в гробах.

Он древние строения
Искал с остервенением
И часто диким голосом кричал,
Что есть еще пока тропа,
Где встретишь питекантропа, —
И в грудь себя при этом ударял.

Он жизнь решил закончить холостую
 И стал бороться за семейный быт.
 «Я, — говорил, — жену найду такую —
 От зависти заплачете навзрыд!»

Он все углы облазил — и
 В Европе был, и в Азии —
 И вскоре раскопал свой идеал.
 Но идеал связать не мог
 В археологии двух строк, —
 И Федя его снова закопал.

1964

МАРШ СТУДЕНТОВ-ФИЗИКОВ

Тропы еще в антимир не протоптаны, —
 Но как на фронте держись ты!
 Бомбардируем мы ядра протонами,
 Значит, мы — антиллеристы.

Нам тайны нераскрытые раскрыть пора —
 Лежат без пользы тайны, как в копилке, —
 Мы тайны эти с корнем вырвем у ядра —
 На волю пустим джинна из бутылки!

Тесно сплотились коварные атомы —
 Ну-ка, попробуй прорвись ты!
 Живо по ко́ням — в погоню за квантами!
 Значит, мы — кванталеристы.

Нам тайны нераскрытые раскрыть пора —
 Лежат без пользы тайны, как в копилке, —
 Мы тайны эти с корнем вырвем у ядра —
 На волю пустим джинна из бутылки!

Пусть не поймашь нейтрино за бороду
 И не посадишь в пробирку, —
 Но было бы здорово, чтоб Понтекорво
 Взял его крепче за шкирку.

Нам тайны нераскрытые раскрыть пора —
Лежат без пользы тайны, как в копилке, —
Мы тайны эти с корнем вырвем у ядра —
На волю пустим джинна из бутылки!

Жидкие, твердые, газообразные —
Просто, понятно, вольготно!
А с этой плазмой дойдешь до маараза, и
Это довольно почетно.

Нам тайны нераскрытые раскрыть пора —
Лежат без пользы тайны, как в копилке, —
Мы тайны эти с корнем вырвем у ядра —
На волю пустим джинна из бутылки!

Молодо-зелено. Древность — в историю!
Дряхлость — в архивах пылиться!
Даешь эту общую эту теорию
Элементарных частиц нам!

Нам тайны нераскрытые раскрыть пора —
Лежат без пользы тайны, как в копилке, —
Мы тайны эти скоро вырвем у ядра —
И вволю выпьем джина из бутылки!

1964

* * *

Ну о чем с тобою говорить!
Все равно ты порешь ахинею, —
Лучше я пойду к ребятам пить —
У ребят есть мысли поважнее.

У ребят серьезный разговор —
Например, о том, кто пьет сильнее.
У ребят широкий кругозор —
От ларька до нашей бакалеи.

Разговор у нас и прям и груб —
Две проблемы мы решаем глоткой:
Где достать недостающий рупь
И — кому потом бежать за водкой.

Ты даешь мне утром хлебный квас —
Что тебе придумать в оправданье!
Интеллекты разные у нас, —
Повышай свое образование!

1964

ПЕСНЯ БЕЛЫХ ОФИЦЕРОВ

В куски
Разлетелася корона,
Нет державы, нету трона, —
Жизнь, Россия и законы —
Всё к чертям!
И мы —
Словно загнанные в норы,
Словно пойманные воры, —
Только — кровь одна с позором
Пополам.

И нам
Ни черта не разобраться,
С кем порвать и с кем остаться,
Кто за нас, кого бояться,
Где пути, куда податься, —
Не понять!
Где дух? Где честь? Где стыд?!
Где свои, а где чужие,
Как до этого дожили,
Неужели на Россию
Нам плевать?!

Позор
Всем, кому покой дороже,
Всем, кого сомненье гложет —
Может он или не может
Убивать!
Сигнал! —

И по-волчьи, и по-бычьи,
И — как коршун на добычу, —
Только воронов покличем
Пировать.

Эй, вы!
Где былая ваша твердость?
Где былая наша гордость?
Отдыхать сегодня — подлость!
Пистолет сжимает твердая рука.
Конец! Всему конец!
Всё разбилось, поломалось, —
Нам осталась только малость —
Только выстрелить в висок иль во врага.

1965

СОЛДАТЫ ГРУППЫ «ЦЕНТР»

Солдат всегда здоров,
Солдат на всё готов, —
И пыль, как из ковров,
Мы выбиваем из дорог.

И не остановиться,
И не сменить ноги, —
Сияют наши лица,
Сверкают сапоги!

По выжженной равнине —
За метром метр —
Идут по Украине
Солдаты группы «Центр».

На «первый-второй» рассчитайсь!
Первый-второй...
Первый, шаг вперед! — и в рай.
Первый — второй...

А каждый второй — тоже герой, —
В рай попадет вслед за тобой.
 Первый-второй,
 Первый-второй,
 Первый-второй...

А перед нами всё цветет,
За нами всё горит.
Не надо думать — с нами тот,
Кто всё за нас решит.

Веселые — не хмурые —
Вернемся по домам, —
Невесты белокурые
Наградой будут нам!

 Всё впереди, а ныне —
 За метром метр —
 Идут по Украине
 Солдаты группы «Центр».

На «первый-второй» рассчитайсь!
 Первый-второй...

Первый, шаг вперед! — и в рай.
 Первый-второй...

А каждый второй — тоже герой, —
В рай попадет вслед за тобой.
 Первый-второй,
 Первый-второй,
 Первый-второй...

1965

ПЕСНЯ О НЕЙТРАЛЬНОЙ ПОЛОСЕ

На границе с Турцией или с Пакистаном —
Полоса нейтральная; а справа, где кусты, —
Наши пограничники с нашим капитаном, —
А на левой стороне — ихние посты.

А на нейтральной полосе — цветы
Необычайной красоты!

Капитанова невеста жить решила вместе —
Прикатила, говорит: «Милый!..» — то да сё.
Надо ж хоть букет цветов подарить невесте:
Что за свадьба без цветов! — пьянка, да и всё.

А на нейтральной полосе — цветы
Необычайной красоты!

К ихнему начальнику, точно по повестке,
Тоже баба прикатила — налетела блажь, —
Тоже «милый» говорит, только по-турецки,
Будет свадьба, говорит, свадьба — и шабаш!

А на нейтральной полосе — цветы
Необычайной красоты!

Наши пограничники — храбрые ребята, —
Трое вызвались идти, а с ними капитан, —
Разве ж знать они могли про то, что азиаты
Порешили в ту же ночь вдарить по цветам!

Ведь на нейтральной полосе — цветы
Необычайной красоты!

Пьян от запаха цветов капитан мертвецки,
Ну и ихний капитан тоже в доску пьян, —
Повалился он в цветы, охнув по-турецки,
И, по-русски крикнув «...мать!», рухнул капитан.

А на нейтральной полосе — цветы
Необычайной красоты!

Спит капитан — и ему снится,
Что открыли границу как ворота в Кремле, —
Ему и на фиг не нужна была чужая заграница —
Он пройтись хотел по ничейной земле.
Почему же нельзя? Ведь земля-то — ничья,
Ведь она — нейтральная!..

А на нейтральной полосе — цветы
Необычайной красоты!

1965

* * *

Сыт я по горло, до подбородка —
Даже от песен стал уставать, —
Лечь бы на дно, как подводная лодка,
Чтоб не могли запеленговать!

Друг подавал мне водку в стакане,
Друг говорил, что это пройдет,
Друг познакомил с Веркой по пьяне:
Верка поможет, а водка спасет.

Не помогли ни Верка, ни водка:
С водки — похмелье, а с Верки — что взять!
Лечь бы на дно, как подводная лодка, —
И позывных не передавать!..

Сыт я по горло, сыт я по глотку —
Ох, надоело петь и играть, —
Лечь бы на дно, как подводная лодка,
Чтоб не могли запеленговать!

1965

* * *

Игорю Козановскому

Мой друг уедет в Магадан —
Снимите шляпу, снимите шляпу!
Уедет сам, уедет сам —
Не по этапу, не по этапу.

Не то чтоб другу не везло,
Не чтоб кому-нибудь назло,
Не для молвы: что, мол, — чудака, —
А просто так.

Быть может, кто-то скажет: «Зря!
Как так решиться — всего лишиться!
Ведь там — сплошные лагеря,
А в них — убийцы, а в них — убийцы...»

Ответит он: «Не верь молве —
Их там не больше, чем в Москве!»
Потом уложит чемодан
И — в Магадан!

Не то чтоб мне — не по годам, —
Я б прыгнул ночью из электрички, —
Но я не еду в Магадан,
Забыв привычки, закрыв кавычки.

Я буду петь под струнный звон
Про то, что будет видеть он,
Про то, что в жизни не видал, —
Про Магадан.

Мой друг поедет сам собой —
С него довольно, с него довольно, —
Его не будет бить конвой —
Он добровольно, он добровольно.

А мне удел от Бога дан...
А может, тоже — в Магадан?
Уехать с другом заодно —
И лечь на дно!..

1965

* * *

В холода, в холода
От насиженных мест
Нас другие зовут города, —
Будь то Минск, будь то Брест, —
В холода, в холода...

Неспроста, неспроста
От родных тополей

Нас суровые манят места —
Будто там веселей, —
Неспроста, неспроста...

Как нас дома ни грей —
Не хватает всегда
Новых встреч нам и новых друзей, —
Будто с нами беда,
Будто с ними теплей...

Как бы ни было нам
Хорошо иногда —
Возвращаемся мы по домам.
Где же наша звезда?
Может — здесь, может — там...

1965

ВЫСОТА

Вцепились они в высоту как в свое.
Огонь минометный, шквальный...
А мы всё лезли толпой на нее,
Как на буфет вокзальный.

И крики «ура» застывали во рту,
Когда мы пули глотали.
Семь раз занимали мы ту высоту —
Семь раз мы ее оставляли.

И снова в атаку не хочется всем,
Земля — как горелая каша...
В восьмой раз возьмем мы ее насовсем —
Свое возьмем, кровное, наше!

А можно ее стороной обойти, —
И что мы к ней прицепились?!
Но, видно, уж точно — все судьбы-пути
На этой высотке скрестились.

1965

**ПЕСНЯ ПРО СНАЙПЕРА,
КОТОРЫЙ ЧЕРЕЗ 15 ЛЕТ ПОСЛЕ ВОЙНЫ
СПИЛСЯ И СИДИТ В РЕСТОРАНЕ**

А ну-ка, пей-ка,
Кому не лень!
Вам жисть — копейка,
А мне — мишень.
Который в фетрах,
Давай на спор:
Я — на сто метров,
А ты — в упор.

Не та раскладка,
Но я не трус.
Итак, десятка —
Бубновый туз...
Ведь ты же на спор
Стрелял в упор, —
Но я ведь — снайпер,
А ты — тапер.

Куда вам деться!
Мой выстрел — хлоп!
Девятка в сердце,
Десятка — в лоб...
И черной точкой
На белый лист —
Легла та ночка
На мою жисть!

1965

ПЕСНЯ ЗАВИСТНИКА

Мой сосед объездил весь Союз —
Что-то ищет, а чего — не видно, —
Я в дела чужие не суюсь,
Но мне очень больно и обидно.

У него на окнах — плюш и шелк,
 Баба его шастает в халате, —
 Я б в Москве с киркой уран нашел
 При такой повышенной зарплате!

И сдается мне, что люди врут, —
 Он нарочно ничего не ищет:
 Для чего? — ведь денежки идут —
 Ох, какие крупные деньжищи!

А вчера на кухне ихний сын
 Головой упал у нашей двери —
 И разбил нарочно мой графин, —
 Я — мамаше счет в тройном размере.

Ему, значит, — рупь, а мне — пятак?!
 Пусть теперь мне платит неустойку!
 Я ведь не из зависти, я так —
 Ради справедливости, и только.

...Ничего, я им создам уют —
 Живо он квартиру обменяет, —
 У них денег — куры не клюют,
 А у нас — на водку не хватает!

1965

* * *

Перед выездом в загранку
 Заполняешь кучу бланков —
 Это еще не беда, —
 Но в составе делегаций
 С вами ездит личность в штатском —
 Просто завсегда.

А за месяц до вояжа
 Инструктаж проходишь даже —
 Как там проводить все дни:
 Чтоб поменьше безобразий,
 А потусторонних связей
 Чтобы — ни-ни-ни!

...Личность в штатском — парень рыжий —
Мне представился в Париже:
«Будем с вами жить, я — Никодим.
Вел на грузки, жил в Бобруйске,
Папа — русский, сам я — русский,
Даже не судим».

Исполнительный на редкость,
Соблюдал свою секретность
И во всем старался мне помочь:
Он теперь по роду службы
Дорожил моею дружбой
Просто день и ночь.

На экскурсию по Риму
Я решил — без Никодиму:
Он всю ночь писал — и вот уснул, —
Но личность в штатском, оказалось,
Раньше боксом увлекалась,
Так что — не рискнул.

Со мной он завтракал, обедал,
Он везде — за мною следом, —
Будто у него нет дел.
Я однажды для порядку
Заглянул в его тетрадку —
Просто обалдел!

Он писал — такая стерва! —
Что в Париже я на мэра
С кулаками напал,
Что я к женщинам несдержан
И влияниям подвержен
Будто Запада...

Значит, личность может даже
Заподозрить в шпионаже!..
Вы прикиньте — что тогда?

Это значит — не увижу
Я ни Риму, ни Парижу
Больше никогда!..

1965

* * *

Есть на земле предостаточно рас —
Просто цветная палитра, —
Воздуху каждый вдыхает за раз
Два с половиною литра!

Если так дальше, то — полный привет —
Скоро конец нашей эры:
Эти китайцы за несколько лет
Землю лишат атмосферы!

Сон мне тут снился неделю подряд —
Сон с пробуждением кошмарным:
Будто — я в дом, а на кухне сидят
Мао Цзедун с Ли Сын Маном!

И что — разделился наш маленький шар
На три огромные части:
Нас — миллиард, их — миллиард,
А остальное — китайцы.

И что — подают мне какой-то листок:
На, мол, подписывай — ну же, —
Очень нам нужен ваш Дальний Восток —
Ох как ужасно нам нужен!..

Только об этом я сне вспоминал,
Только о нем я и думал, —
Я сослуживца недавно назвал
Мао — простите — Цзедуном!

Но вскорости мы на Луну полетим, —
И что нам с Америкой драться:
Левую — нам, правую — им,
А остальное — китайцам.

1965

ПЕСНЯ О СУМАСШЕДШЕМ ДОМЕ

Сказал себе я: брось писать, —
 но руки сами просятся.
 Ох, мама моя рóдная, друзья любимые!
 Лежу в палате — кóсятся,
 не сплю: боюсь — набросятся, —
 Ведь рядом психи тихие, неизлечимые.

 Бывают психи разные —
 не буйные, но грязные, —
 Их лечат, мóрят голодом, их санитары бьют.
 И вот что удивительно:
 все ходят без смиренных
 И то, что мне приносится, всё психи эти жрут.

 Куда там Достоевскому
 с «Записками» известными, —
 Увидел бы, покойничек, как бьют об двери лбы!
 И рассказать бы Гоголю
 про нашу жизнь убогую, —
 Ей-богу, этот Гоголь бы нам не поверил бы.

 Вот это мýка, — плюй на них! —
 они ж ведь, суки, буйные:
 Всё норовят меня лизнуть, — ей-богу, нету сил!
 Вчера в палате номер семь
 один свихнулся насовсем —
 Кричал: «Даешь Америку!» — и санитаров бил.

 Я не желаю славы, и
 пока я в полном здравии —
 Рассудок не померк еще, но это впереди, —
 Вот главврачиха — женщина —
 пусть тихо, но помешана, —
 Я говорю: «Сойду с ума!» — она мне: «Подожди!»

 Я жду, но чувствую — уже
 хожу по лезвию ноже:

Забыл алфáвит, падежей припомнил только два...
И я прошу моих друзья,
 чтоб кто бы их бы ни был я,
Забрать его, ему, меня отсюда!

1966

ПРО ЧЕРТА

У меня запой от одиночества —
По ночам я слышу голоса...
Слышу — вдруг зовут меня по отчеству, —
Глянул — черт, — вот это чудеса!
Черт мне корчил рожи и моргал, —
А я ему тихонечко сказал:

«Я, брат, коньяком напился вот уж как!
Ну, ты, наверно, пьешь денатурат...
Слушай, черт-чертяка-чертик-чертушка,
Сядь со мной — я очень буду рад...
Да неужели, черт возьми, ты трус?!
Слезь с плеча, а то перекрещусь!»

Черт сказал, что он знаком с Борисовым —
Это наш запойный управдом, —
Черт за обе щёки хлеб уписывал,
Брезговать не стал и коньяком.
Кончился коньяк — не пропадем, —
Съездим к трем вокзалам и возьмем.

Я уснул, к вокзалам черт мой съездил сам...
Просыпаюсь — снова черт, — боюсь:
Или он по новой мне пригрезился,
Или это я ему кажусь.
Черт ругнулся матом, а потом
Целоваться лез, вилял хвостом.

Насмеялся я над ним до коликов
И спросил: «Как там у вас в аду

Отношение к нашим алкоголикам —
Говорят, их жарят на спирту?!»
Черт опять ругнулся и сказал:
«И там не тот товарищ правит бал!»

...Всё кончилось, светлее стало в комнате, —
Черта я хотел опохмелять.
Но растворился черт как будто в омуте...
Я все жду — когда придет опять...
Я не то чтоб чокнутый какой,
Но лучше — с чертом, чем с самим собой.

1966

ПЕСНЯ-СКАЗКА О СТАРОМ ДОМЕ НА НОВОМ АРБАТЕ

Стоял тот дом, всем жителям знакомый, —
Его еще Наполеон застал, —
Но вот его назначили для слома,
Жильцы давно уехали из дома,
Но дом пока стоял...

Холодно, холодно, холодно в доме.

Парадное давно не открывалось,
Мальчишки окна выбили уже,
И штукатурка всюду осыпалась, —
Но что-то в этом доме оставалось
На третьем этаже...

Ахало, охало, ухало в доме.

И дети часто жаловались маме
И обходили дом тот стороной, —
Объединясь с соседними дворами,
Вооружась лопатами, ломами,
Вошли туда гурьбой

Дворники, дворники, дворники тихо.

Они стоят и недоумевают,
Назад спешат, боязни не тая:
Вдруг там Наполеонов дух витает!
А может, это просто слуховая
Галлюцинация?..

Боязно, боязно, боязно дворникам.

Но наконец приказ о доме вышел,
И вот рабочий — тот, что дом ломал, —
Ударил с маху гирею по крыше,
А после клялся, будто бы услышал,
Как кто-то застонал

Жалобно, жалобно, жалобно в доме.

...От страха дети больше не трясутся:
Нет дома, что два века простоял,
И скоро здесь по плану реконструкций
Ввысь этажей десятки вознесутся —
Бетон, стекло, металл...

Весело, здорово, красочно будет...

1966

ПЕСНЯ О СЕНТИМЕНТАЛЬНОМ БОКСЕРЕ

Удар, удар... Еще удар...
Опять удар — и вот
Борис Буткеев (Краснодар)
Проводит апперкот.

Вот он прижал меня в углу,
Вот я едва ушел...
Вот апперкот — я на полу,
И мне нехорошо!

И думал Буткеев, мне челюсть кроша:
И жить хорошо, и жизнь хороша!

При счете семь я все лежу —
Рыдают землячки.
Встаю, ныряю, ухожу —
И мне идут очки.

Неправда, будто бы к концу
Я силы берегу, —
Бить человека по лицу
Я с детства не могу.

Но думал Буткеев, мне ребра круша:
И жить хорошо, и жизнь хороша!

В трибунах свист, в трибунах вой:
«Ату его, он трус!»
Буткеев лезет в ближний бой —
А я к канатам жмусь.

Но он пролез — он сибиряк,
Настырные они, —
И я сказал ему: «Чудак!
Устал ведь — отдохни!»

Но он не услышал — он думал, дыша,
Что жить хорошо и жизнь хороша!

А он все бьет — здоровый, черт! —
Я вижу — быть беде.
Ведь бокс не драка — это спорт
Отважных и т. д.

Вот он ударил — раз, два, три —
И... сам лишился сил, —
Мне руку поднял реферí,
Которой я не бил.

Лежал он и думал, что жизнь хороша.
Кому хороша, а кому — ни шиша!

**ПЕСНЯ О КОНЬКОБЕЖЦЕ
НА КОРОТКИЕ ДИСТАНЦИИ,
КОТОРОГО ЗАСТАВИЛИ БЕЖАТЬ
НА ДЛИННУЮ**

Десять тысяч — и всего один забег
остался.
В это время наш Бескудников Олег
зазнался:
Я, говорит, болен, бюллетеню, нету сил —
и сгинул.
Вот наш тренер мне тогда и предложил:
беги, мол.
Я ж на длинной на дистанции помру —
не охну, —
Пробегу, быть может, только первый круг —
и сдохну!
Но сурово эдак тренер мне: мол,
надо, Федя, —
Главное дело — чтобы воля, говорит, была
к победе.
Воля волей, если сил невпроворот, —
а я увлекся:
Я на десять тыщ рванул как на пятьсот —
и спёкся!
Подвела меня — ведь я предупреждал! —
дыхалка:
Пробежал всего два круга — и упал, —
а жалко!
И наш тренер, экс- и вице-чемпион
ОРУДа,
Не пускать меня велел на стадион —
иуда!
Ведь вчера мы только брали с ним с тоски
по банке —

А сегодня он кричит: «Меняй коньки
на санки!»

Жалко тренера — он тренер неплохой, —
ну бог с ним!

Я ведь нынче занимаюсь борьбой
и боксом, —

Не имею больше я на счет на свой
сомнений:

Все вдруг стали очень вежливы со мной,
и — тренер...

1966

ПЕСНЯ КОСМИЧЕСКИХ НЕГОДЯЕВ

Вы мне не поверите и просто не поймете:
В космосе страшней, чем даже в дантовском аду, —
По пространству-времени мы прём на звездолете,
Как с горы на собственном заду.

От Земли до Беты — восемь дён,
Ну а до планеты Эпсилон —
Не считаем мы, чтоб не сойти с ума.
Вечность и тоска — ох, влипли как!
Наизусть читаем Киплинга,
А кругом — космическая тьма.

На Земле читали в фантастических романах
Про возможность встречи с иноземным существом, —
Мы на Земле забыли десять заповедей рваных —
Нам все встречи с ближним нипочем!

От Земли до Беты — восемь дён,
Ну а до планеты Эпсилон —
Не считаем мы, чтоб не сойти с ума.
Вечность и тоска — игрушки нам!
Наизусть читаем Пушкина,
А кругом — космическая тьма.

Нам прививки сделаны от слез и грез дешевых,
От дурных болезней и от бешеных зверей, —
Нам плевать из космоса на взрывы всех сверхновых —
На Земле бывало веселей!

От Земли до Беты — восемь дён,
Ну а до планеты Эпсилон —
Не считаем мы, чтоб не сойти с ума.
Вечность и тоска — ох, влипли как!
Наизусть читаем Киплинга,
А кругом — космическая тьма.

Прежнего, земного не увидим небосклона,
Если верить рассказам ученых чудаков, —
Ведь, когда вернемся мы, по всем по их законам
На Земле пройдет семьсот веков!

То-то есть смеяться отчего:
На Земле бояться нечего —
На Земле нет больше тюрем и дворцов.
На Бога уповали бедного,
Но теперь узнали: нет его —
Ныне, присно и вовек веков!

1966

В ДАЛЕКОМ СОЗВЕЗДИИ ТАУ КИТА

В далеком созвездии Тау Кита
Всё стало для нас непонятно, —
Сигнал посылаем: «Вы что это там?» —
А нас посылают обратно.

На Тау Ките
Живут в тесноте —
Живут, между прочим, по-разному —
Товарищи наши по разуму.

Вот, двигаясь по световому лучу
Без помощи, но при посредстве,

Я к Тау Кита этой самой лечу,
Чтоб с ней разобраться на месте.

На Тау Кита
Чегой-то не так —
Там таукитайская братия
Свихнулась, — по нашим понятиям.

Покамест я в анабиозе лежу,
Те таукитяне буянят, —
Все реже я с ними на связь выхожу:
Уж очень они хулиганят.

У таукитов
В алфавите слов —
Немного, и строй — буржуазный,
И юмор у них — безобразный.

Корабль посадил я как собственный зад,
Слегка покривив отражатель.
Я крикнул по-таукитянски: «Виват!» —
Что значит по-нашему — «Здрасьте!»

У таукитян
Вся внешность — обман, —
Тут с ними нельзя состязаться:
То явятся, то растворятся...

Мне таукитянин — как вам папуас, —
Мне вкратце об них намекнули.
Я крикнул: «Галактике стыдно за вас!» —
В ответ они чем-то мигнули.

На Тау Ките
Условия не те:
Тут нет атмосферы, тут душно, —
Но таукитяне радушны.

В запале я крикнул им: мать вашу, мол!..
Но кибернетический гид мой
Настолько буквально меня перевел,
Что мне за себя стало стыдно.

Но таукиты —
Такие скоты —
Наверно, успели набраться:
То явятся, то растворятся...

«Вы, братья по полу, — кричу, — мужики!
Ну что...» — тут мой голос сорвался.
Я таукитянку схватил за грудки:
«А ну, — говорю, — признавайся!..»

Она мне: «Уйди!» —
Мол, мы впереди —
Не хотим с мужчинами знаться, —
А будем теперь почковаться!

Не помню, как поднял я свой звездолет, —
Лечу в настроенье питейном:
Земля ведь ушла лет на триста вперед
По гнусной теории Эйнштейна!

Что, если и там,
Как на Тау Кита,
Ужасно повысилось знание, —
Что, если и там — почкованье?!

1966

ПРО ДИКОГО ВЕПРЯ

В королевстве, где всё тихо и складно,
Где ни войн, ни катаклизмов, ни бурь,
Появился дикий вепрь огромный —
То ли буйвол, то ли бык, то ли тур.

Сам король страдал желудком и астмой,
Только кашлем сильный страх наводил, —
А тем временем зверюга ужасный
Кох ел, а коих в лес волочил.

И король тотчас издал три декрета:
«Зверя надо одолеть наконец!
Вот кто отчаётся на это, на это,
Тот принцессу поведет под венец».

А в отчаявшемся том государстве —
Как войдешь, так прямо наискосок —
В бесшабашной жил тоске и гусарстве
Бывший лучший, но опальный стрелок.

На полу лежали люди и шкуры,
Пели песни, пили мёды — и тут
Протрубили во дворе трубадуры,
Хватъ стрелка — и во дворец волокут.

И король ему прокашлял: «Не буду
Я читать тебе морали, юнец, —
Но если завтра победишь чуду-юду,
То принцессу поведешь под венец».

А стрелок: «Да это что за награда?!
Мне бы — выкатить портвейну бадью!»
Мол, принцессу мне и даром не надо, —
Чуду-юду я и так победю!

А король: «Возьмешь принцессу — и точка!
А не то тебя раз-два — и в тюрьму!
Ведь это все же королевская дочка!..»
А стрелок: «Ну хоть убей — не возьму!»

И пока король с им так препирался,
Съел уже почти всех женщин и кур
И возле самого дворца ошивался
Этот самый то ли бык, то ли тур.

Делать нечего — портвейн он отспорил, —
Чуду-юду уложил — и убег...
Вот так принцессу с королем опозорил
Бывший лучший, но опальный стрелок.

ПЕСНЯ О ДРУГЕ

Если друг
оказался вдруг
И не друг, и не враг,
а так,
Если сразу не разберешь,
Плох он или хорош, —
Парня в горы тяни —
рискни! —
Не бросай одного
его:
Пусть он в связке в одной
с тобой —
Там поймешь, кто такой.
Если парень в горах —
не ах,
Если сразу раскис —
и вниз,
Шаг ступил на ледник —
и сник,
Оступился — и в крик, —
Значит, рядом с тобой —
чужой,
Ты его не брани —
гони:
Вверх таких не берут
и тут
Про таких не поют.
Если ж он не скулил,
не ныл,
Пусть он хмур был и зол,
но шел,
А когда ты упал
со скал,
Он стонал,
но держал:

Отвесные стены... А ну — не зевай!
Ты здесь на везение не уповай —
В горах не надежны ни камень, ни лед,
ни скала, —
Надеемся только на крепость рук,
На руки друга и вбитый крюк —
И молимся, чтобы страховка не подвела.

Мы рубим ступени... Ни шагу назад!
И от напряженья колени дрожат,
И сердце готово к вершине бежать из груди.
Весь мир на ладони — ты счастлив и нем
И только немного завидуешь тем,
Другим — у которых вершина еще впереди.

1966

ВОЕННАЯ ПЕСНЯ

Мерцал закат, как сталь клинка.
Свою добычу смерть считала.
Бой будет завтра, а пока
Взвод зарывался в облака
И уходил по перевалу.

Отставить разговоры!
Вперед и вверх, а там...
Ведь это наши горы —
Они помогут нам!

А до войны — вот этот склон
Немецкий парень брал с тобою,
Он падал вниз, но был спасен, —
А вот сейчас, быть может, он
Свой автомат готовит к бою.

Отставить разговоры!
Вперед и вверх, а там...
Ведь это наши горы —
Они помогут нам!

Ты снова здесь, ты собран весь —
Ты ждешь заветного сигнала.
И парень тот — он тоже здесь,
Среди стрелков из «Эдельвейс», —
Их надо сбросить с перевала!

Отставить разговоры!
Вперед и вверх, а там...
Ведь это наши горы —
Они помогут нам!

Взвод лезет вверх, а у реки —
Тот, с кем ходил ты раньше в паре.
Мы ждем атаки до тоски,
А вот альпийские стрелки
Сегодня что-то не в ударе...

Отставить разговоры!
Вперед и вверх, а там...
Ведь это наши горы —
Они помогут нам!

1966

СКАЛОЛАЗКА

Я спросил тебя: «Зачем идете в гору вы? —
А ты к вершине шла, а ты рвалася в бой. —
Ведь Эльбрус и с самолета видно здорово...»
Рассмеялась ты — и взяла с собой.

И с тех пор ты стала близкая и ласковая,
Альпинистка моя, скалолазка моя, —
Первый раз меня из трещины вытаскивая,
Улыбалась ты, скалолазка моя!

А потом за эти прѳклятые трещины,
Когда ужин твой я нахваливал,
Получил я две короткие затрещины —
Но не обиделся, а приговаривал:

«Ох, какая же ты близкая и ласковая,
Альпинистка моя, скалолазка моя!..»
Каждый раз меня по трещинам выскивая,
Ты бранила меня, альпинистка моя!

А потом на каждом нашем восхождении —
Ну почему ты ко мне недоверчивая?! —
Страховала ты меня с наслаждением,
Альпинистка моя гуттаперчевая!

Ох, какая ж ты не близкая, не ласковая,
Альпинистка моя, скалолазка моя!
Каждый раз меня из пропасти вытаскивая,
Ты ругала меня, скалолазка моя.

За тобой тянулся из последней силы я —
До тебя уже мне рукой подать, —
Вот долезу и скажу: «Довольно, милая!»
Тут сорвался вниз, но успел сказать:

«Ох, какая же ты близкая и ласковая,
Альпинистка моя скалоласковая!..»
Мы теперь с тобою одной веревкой связаны —
Стали оба мы скалолазами!

1966

ПРОЩАНИЕ С ГОРАМИ

В суету городов и в потоки машин
Возвращаемся мы — просто некуда деться! —
И спускаемся вниз с покоренных вершин,
Оставляя в горах свое сердце.

Так оставьте ненужные споры —
Я себе уже всё доказал:
Лучше гор могут быть только горы,
На которых еще не бывал.

Кто захочет в беде оставаться один,
Кто захочет уйти, зову сердца не внемля?!

Но спускаемся мы с покоренных вершин, —
Что же делать — и боги спускались на землю.

Так оставьте ненужные споры —
Я себе уже всё доказал:
Лучше гор могут быть только горы,
На которых еще не бывал.

Сколько слов и надежд, сколько песен и тем
Горы будят у нас — и зовут нас остаться! —
Но спускаемся мы — кто на год, кто совсем, —
Потому что всегда мы должны возвращаться.

Так оставьте ненужные споры —
Я себе уже всё доказал:
Лучше гор могут быть только горы,
На которых никто не бывал!

1966

* * *

Свои обиды каждый человек —
Проходит время — и забывает.
А моя печаль — как вечный снег:
Не тает, не тает.

Не тает она и летом
В полуденный зной, —
И знаю я: печаль-тоску мне эту
Век носить с собой.

1966

ОНА БЫЛА В ПАРИЖЕ

Наверно, я погиб: глаза закрою — вижу.
Наверно, я погиб: робею, а потом —
Куда мне до нее — она была в Париже,
И я вчера узнал — не только в ём одном!

Какие песни пел я ей про Север дальний! —
 Я думал: вот чуть-чуть — и будем мы на ты, —
 Но я напрасно пел о полосе нейтральной —
 Ей глубоко плевать, какие там цветы.

Я спел тогда еще — я думал, это ближе —
 «Про счетчик», «Про того, кто раньше с нею был»...
 Но что ей до меня — она была в Париже, —
 Ей сам Марсель Марсо чевой-то говорил!

Я бросил свой завод — хоть, в общем, был не вправе, —
 Засел за словари на совесть и на страх...
 Но что ей от того — она уже в Варшаве, —
 Мы снова говорим на разных языках...

Приедет — я скажу по-польски: «Прóшу, пани,
 Прими таким как есть, не буду больше петь...»
 Но что ей до меня — она уже в Иране, —
 Я понял: мне за ней, конечно, не успеть!

Она сегодня здесь, а завтра будет в Осле, —
 Да, я попал впросак, да, я попал в беду!..
 Кто раньше с нею был, и тот, кто будет после, —
 Пусть пробуют они — я лучше пережду!

1966

О ВКУСАХ НЕ СПОРЯТ

О вкусах не спорят: есть тысяча мнений —
 Я этот закон на себе испытал, —
 Ведь даже Эйнштейн, физический гений,
 Весьма относительно всё понимал.

Оделся по моде, как требует век, —
 Вы скажете сами:
 «Да это же просто другой человек!»
 А я — тот же самый.

Вот уж действительно
Всё относительно, —
Всё-всё, всё.

Набедренный пояс из шкуры пантеры, —
О да, неприлично, согласен, ей-ей,
Но так одевались все до нашей эры,
А до нашей эры — им было видней.

Оделся по моде как в каменный век —
Вы скажете сами:
«Да это же просто другой человек!»
А я — тот же самый.

Вот уж действительно
Всё относительно, —
Всё-всё, всё.

Оденусь как рыцарь я после турнира —
Знакомые вряд ли узнают меня, —
И крикну, как Ричард я в драме Шекспира:
«Коня мне! Полцарства даю за коня!»

Но вот усмехнется и скажет сквозь смех
Ценитель упрямый:
«Да это же просто другой человек!»
А я — тот же самый.

Вот уж действительно
Всё относительно, —
Всё-всё, всё.

Вот трость, канотье — я из нэпа, — похоже?
Не надо оваций — к чему лишний шум?
Ах, в этом костюме узнали, — ну что же,
Тогда я одену последний костюм.

Долой канотье, вместо тросточки — стек, —
И шепчутся дамы:
«Да это же просто другой человек!»
А я — тот же самый.

Будьте же бдительны:
Всё относительно, —
Всё-всё, всё!

1966

ГОЛОЛЕД

Гололед на Земле, гололед —
Целый год напролет гололед.
Будто нет ни весны, ни лета —
В саван белый одета планета —
Люди, падая, бьются об лед.

Гололед на Земле, гололед —
Целый год напролет гололед.
Гололед, гололед, гололед —
Целый год напролет, целый год.

Даже если всю Землю — в облет,
Не касаясь планеты ногами, —
Не один, так другой упадет
На поверхность, а там — гололед! —
И затопчут его сапогами.

Гололед на Земле, гололед —
Целый год напролет гололед.
Гололед, гололед, гололед —
Целый год напролет, целый год.

Только — лед, словно зеркало, лед,
Но на детский каток не похоже, —
Может — зверь не упавши пройдет...
Гололед! — и двуногий встает
На четыре конечности тоже.

Гололед на Земле, гололед —
Целый год напролет гололед.
Гололед, гололед, гололед —
Целый год напролет, целый год.

1966, ред. <1973>

* * *

Корабли постоят — и ложатся на курс, —
Но они возвращаются сквозь непогоды...
Не пройдет и полгода — и я появлюсь, —
Чтобы снова уйти на полгода.

Возвращаются все — кроме лучших друзей,
Кроме самых любимых и преданных женщин.
Возвращаются все — кроме тех, кто нужней, —
Я не верю судьбе, а себе — еще меньше.

Но мне хочется верить, что это не так,
Что сжигать корабли скоро выйдет из моды.
Я, конечно, вернусь — весь в друзьях и в делах —
Я, конечно, спою — не пройдет и полгода.

Я, конечно, вернусь — весь в друзьях и в мечтах, —
Я, конечно, спою — не пройдет и полгода.

Зима 1966/67

* * *

Вот — главный вход, но только вот
Упрашивать — я лучше сдохну, —
Вхожу я через черный ход,
А выходить стараюсь в окна.

Не вгоняю я в гроб никого,
Но вчера меня, тепленького —
Хоть бываю и хуже я сам, —
Оскорбили до ужаса.

И, плюнув в пьяное мурло
И обвязав лицо портьерой,
Я вышел прямо сквозь стекло —
В объятья к милиционеру.

И меня — окровавленного,
Всенародно прославленного,
Прям как был я — в амбиции
Довели до милиции.

И, кулаками покарав
И попинав меня ногами,
Мне присудили крупный штраф —
За то, что я нахулиганил.

А потом — перевязанному,
Несправедливо наказанному —
Сердобольные мальчики
Дали спать на диванчике.

Проснулся я — еще темно, —
Успел поспать и отдохнуть я, —
Встаю и, как всегда, — в окно,
Но на окне — стальные прутья!

И меня — патентованного,
Кю всему подготовленного, —
Эти прутья печальные
Ввергли в бездну отчаянья.

А рано утром — верь не верь —
Я встал, от слабости шатаюсь, —
И вышел в дверь — я вышел в дверь! —
С тех пор в себе я сомневаюсь.

В мире — тишь и безветрие,
Чистота и симметрия, —
На душе моей — тягостно,
И живу я безрадостно.

Зима 1966/67

ПЕСНЯ-СКАЗКА О НЕЧИСТИ

В заповедных и дремучих
страшных Муромских лесах
Всяка нечисть бродит тучей
и в проезжих сеет страх:
Воет воем, что твои упокойники,
Если есть там соловьи — то разбойники.

Страшно, аж жуть!

В заколдованных болотах
там кикиморы живут, —
Защекочут до икоты
и на дно уволокут.
Будь ты пеший, будь ты конный —
загребастают,
А уж лешие — так по лесу и шастают.

Страшно, аж жуть!

А мужик, купец и воин —
попадал в дремучий лес, —
Кто зачем: кто с перепоею,
а кто сдуру в чащу лез.
По причине попадали, без причины ли, —
Только всех их и видали — словно сгнули.

Страшно, аж жуть!

Из заморского из лесу,
где и вовсе сущий ад,
Где такие злые бесы —
чуть друг друга не едят, —
Чтоб творить им совместное зло потом,
Поделиться приехали опытом.

Страшно, аж жуть!

Соловей-разбойник главный
им устроил буйный пир,
А от их был Змей трехглавый
и слуга его — Вампир, —
Пили зелье в черепаках, ели бульники,
Танцевали на гробах, богохульники!

Страшно, аж жуть!

Змей Горыныч взмыл на древо,
ну — раскачивать его:
«Выводи, Разбойник, девок, —
пусть покажут кой-чего!